

на турнирах и в поединках носил знак какой-нибудь дамы или девицы. И потому, прекрасная девица, вам должно быть ему признательной. Но боюсь, – сказал сэр Гавейн, – что вы уже никогда не увидите его в этом мире, и это величайшей жалости достойно.

– Увы, – молвила она, – как это возможно? Разве он убит?

– Этого я не сказал, – отвечал сэр Гавейн, – но знайте, что он, сколько можно заключить, был прежде жестоко ранен, и, судя по его виду, он, всего вернее, сейчас умер, а не жив. И знайте, что он – сам благородный рыцарь сэр Ланселот, ибо я узнал его по щиту.

– Увы! – воскликнула Прекрасная Дева из Астолата, – возможно ли это? Как он был ранен?

– Воистину, – отвечал сэр Гавейн, – его ранил тот, кто всех более его любит. Ручаюсь, – сказал сэр Гавейн, – что, если бы рыцарь, ранивший его, знал правду, что он ранил сэра Ланселота, это было бы для него величайшим горем, когда-либо им испытанным.

– Мой любезный отец, – сказала тогда Элейна, – прошу у вас изволения на то, чтобы мне отправиться разыскивать его, а иначе, я знаю, я сойду с ума. Ибо я ни за что не успокоюсь, покуда не найду его и моего брата сэра Лавейна.

– Поступайте по своему желанию, – отвечал ей отец, – ибо я от души печалюсь ранам этого достойного рыцаря.

В тот же час собралась девица в путь и простилась с сэром Гавейном, горько плача и печалась. А сэр Гавейн на следующее утро явился к королю Артуру и поведал ему о том, как он нашел щит сэра Ланселота на хранении у Прекрасной Девы из Астолата.

– Я все это знал и раньше, – отвечал ему король Артур, – вот почему я и не позволил вам принять участие в турнире; ибо я видел его, когда он поздним вечером прибыл в Астолат и остановился на ночлег. Но вот что дивит меня весьма, – сказал король Артур, – как это он согласился носить знак дамы на своем шлеме? Прежде я никогда не видел и не слышал, чтобы он носил знак хоть одной женщины на свете.

– Клянусь головой, сэр, – сказал сэр Гавейн, – Прекрасная Дева из Астолата любит его всей душой. К чему это все приведет, я не знаю. Но сейчас она отправилась на поиски его.

8

Вскоре король и все остальные прибыли в Лондон, – и там сэр Гавейн открыл всему двору, что рыцарем, завоевавшим первенство на турнире, был сэр Ланселот. И когда сэр Борс услышал об этом, уж конечно, он опечалился жестоко, и все его сородичи тоже. Но когда узнала королева, что это сэр Ланселот носил на шлеме алый рукав Прекрасной Девы из Астолата, она от гнева едва не лишилась рассудка. Она послала за сэром Борсом Ганским и призвала его явиться к ней без промедления.

И как только он к ней явился, сказала королева так:

– А, сэр Борс! Слышали ли вы, как сэр Ланселот коварно меня предал?

– Увы, госпожа, – отвечал сэр Борс. – Боюсь, что он предал сам себя и всех нас.

– Пусть, – сказала королева, – хоть бы он и погиб, мне все равно, ибо он – коварный рыцарь-изменник.

– Госпожа, – сказал сэр Борс, – прошу вас, не говорите так больше, ибо, знайте, я не могу слышать о нем такие речи.

– Почему это, сэр Борс? – сказала она. – Разве я не могу назвать его изменником, если он носил во время турнира в Винчестере на своем шлеме чей-то красный рукав?

– Госпожа, – отвечал сэр Борс, – что он носил этот рукав, меня и самого печалит, но, ручаюсь, он это сделал не из злого умысла, – он для того нацепил этот красный рукав, чтобы никто из сородичей не мог его признать. Ибо до этого дня ни один из нас никогда не видел и не слышал, чтобы он носил знак какой-нибудь девицы, дамы или благородной женщины.

– Позор ему! – воскликнула королева. – И ведь, при всей его заносчивости и бахвальстве, вы выказали себя лучшим рыцарем, чем он.

– Нет, госпожа, не говорите так больше никогда, ибо он одолел меня и моих товарищей и мог бы нас убить, если бы только захотел.

– Позор ему! – сказала королева. – Я слышала, как сэр Гавейн рассказывал перед господином моим Артуром, что нет слов передать, какая любовь между ним и Прекрасной Девой из Астолата.

– Госпожа, – сказал сэр Борс, – я не могу запретить сэру Гавейну говорить, что ему вздумает.